

Письма с фронта:

72-й ГОДОВЩИНЕ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА ПОСВЯЩАЕТСЯ

В семье Кожевниковых — Меламуд бережно хранят памятку о войне и блокаде — планшет военного времени, в котором хранились письма с фронта старшего лейтенанта Бориса Григорьевича Меламуда, погибшего в боях за Родину. Все письма адресованы жене, Надежде Севастьяновне Горникель.

В 1941-м 28-летний Борис ушел защищать Ленинград в составе народного ополчения. Его супруга Надежда осталась в блокадном городе с четырьмя малолетними детьми на руках... Ей удалось спасти от надвигающейся смерти всех четверых, но все-таки блокада взяла свое: уже в эвакуации, в которую семья отправилась в феврале 1942 года, один ребенок умер. Истощенный голодом организм не смог победить болезни.

Надежда одна вырастила троих детей, дала им хорошее образование. Замуж больше не вышла, хотя предложения делали. Осталась верна памяти погибшего мужа, которого еще долго ждала, не веря в страшное военное извещение — похоронку (причем на Бориса пришло их даже две, и районы гибели в них различались).

А после, уже в мирное время, у нее была одна мечта — найти могилу мужа. Не получилось: военные архивы были засекречены. Надежда Севастьяновна умерла в 1993 году, так и не узнав, где похоронен муж. Но в 2006 году на сайте Министерства обороны появились эти сведения, и в 2008-м ее дочь Клара Борисовна Кожевникова и внучка Юлия поехали в Полтавскую область, в деревню Сушки, где на стеле братского захоронения было имя их отца и деда.

Когда открыли архивы, стало известно и о награде. В январе 1944 года Бориса Меламуда посмертно наградили орденом Отечественной войны II степени. В 2008 году орден был вручен семье.

К сожалению, письма Надежды мужу на фронт не сохранились. Борис трепетно хранил их при себе, но после его гибели семье не передали ничего из его вещей.

А что касается писем с фронта, то вот уже больше 71 года они бережно хранятся. Это письма человека, искренне любящего Родину, жену, детей, верящего в победу над фашистами и в правильность политики коммунистической партии.

ОНИ МЕЧТАЛИ О СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ РОСЛИ БЫ 12 ДЕТЕЙ

Автор этих строк в гостях у семьи. Клара Борисовна и ее дочь Юлия показывают письма Бориса Григорьевича, фотографии, ответы из военных архивов, где сказано, что Борис Григорьевич героически погиб в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге и проявив мужество. Клара Борисовна не помнит отца: к началу войны ей не было и года. Об отце ей рассказывала мама — Надежда Севастьяновна.

— Моя мама, Надежда, была старшим ребенком в семье Горникелей, причем от первого брака. Младшие братья и сестры относились к ней с уважением, потому что после потери родителей именно она сохраняла семейные связи, навещала их, разбросанных по детским домам. Помню, как она рассказывала об одном своем путешествии к братьям в соседний детский дом за много километров по лесной дороге. Надежде тогда было лет четырнадцать. Отправилась она засветло, но зимой рано темнеет. Пришлось идти обратно в темноте. Лесная дорога ничего хорошего не предвещала: так и случилось. Волки напали на ее след, и ей пришлось залезать на дерево. Просидела она на нем долго, выдержав и холод, и страх.

Это происшествие не заставило ее отказаться от походов к братьям, а только укрепило характер. Характер у нее был непреклонный. Человеком она была целеустрем-

ленной, сильным и решительным. На ткацкой фабрике, на которую, повзрослев, пошла работать, стала бригадиром. Именно на фабрике она и встретила Бориса Григорьевича — моего папу. Он был мастером-наладчиком, настраивал ткацкие станки. Как случилось их знакомство, как возникла любовь, мама не рассказывала. Но сила этой любви освещала потом всю ее жизнь до последнего дня. Их мечтой было родить 12 детей и в старости навещать их по очереди. У каждого гостить по месяцу, чтобы не надоесть и не утомить. Так и год бы прошел! — поясняет Клара Борисовна.

К июню 1941-го у Надежды и Бориса было уже четверо детей: два мальчика и две девочки. Самая младшая — Клара. К этому времени Борис перешел на работу в «Ленэнерго», ему выдали белый халат. И именно его он надевал, когда в обеденный перерыв забегал домой в роли строгого доктора, чтобы помочь жене накормить малышей.

Когда началась война, с первыми эшелонами ополченцев Борис ушел на фронт (Надежда провожала его на сборный пункт, находящийся на Конюшенной площади).

Сначала Борис воевал на Ленинградском фронте. Был ранен, болел цингой. Учился, получил звание младшего лейтенанта.

А Надежда оставалась в Ленинграде. Как и многие другие, она не верила, что война — надолго. Но в сентябре город окружили немецкие войска. Началась блокада. Многодетных эвакуировали в первую очередь. Надежда осталась. Ее Борис

был где-то рядом: а вдруг приедет, вдруг его отпустят хотя бы на несколько часов? Он придет — а их дома не будет! Нет, не может она уехать.

Семья занимала комнату в 8-комнатной классической ленинградской коммуналке на набережной Мойки. Соседи жили дружно, делились друг с другом последними крохами. В семейных воспоминаниях сохранились сведения о том, что в блокаду, чтобы хоть как-то согреться, приходи-

ли спать в буржуйках не только дрова (да их было практически и не достать), но и мебель, а главное — книги. Это было так странно: книги, дающие человеку познание смысла жизни, летели в огонь, чтобы продлить физическое существование своих читателей. Еще запомнилась невыносимая антисанитария в городе: канализацию прорвало, и содержимое труб оказалось на тротуарах, где и замерзло. И еще — снежные завалы. Снег лежал и внутри домов, на лестницах. И — голод, который был сильнее страха перед бомбежками. Немного выручала столовая, к которой можно было прикрепиться по детским карточкам. Жидкий суп, больше смахивающий на воду, да котлетки из хряпы. Но в блокаду и это было подспорьем.

— Бабушка с блокадных времен на всю жизнь сохранила трепетное отношение к хлебу. Никогда никакой кусочек не выбрасывался. И это отношение она передала нам, своим внукам, — рассказывает Юлия.

И все-таки Надежда тогда дождалась мужа. Борису дали один день на побывку — для того чтобы уговорить семью уехать из города. Это была их последняя встреча. Потом воинскую часть, в которой служил Борис Меламуд, перебросили на другой фронт.

Начались скитания в эвакуации. Самыми страшными были две вещи: ждать писем и переезжать с маленькими детьми. Дорога была трудная, особых сбережений у семьи никогда не было, денег не хватало. Было голодно и бесприютно. На одном из переездов с места на место заболел сын Игорь. Спасти его не удалось.

Затем заболел Мишенька, его пришлось везти в больницу. И это тоже было трудно: с двумя малышками на руках, без

Борис Григорьевич Меламуд и его супруга Надежда Севастьяновна.

ночлега, без помощи. Хорошо, что врач попала удивительная, которая сама сутками дежурила у постели больного ребенка, жалея его мать. А потом так привязалась к мальчику, что перед выпиской стала просить оставить его навсегда. Убеждала Надежду, что так будет лучше всем: у Надежды нет ни жилья, ни работы, ни денег, но, кроме сына, есть еще две девочки. А у нее, у врача, и дом, и работа, а вот детей нет вообще.

— Это было, наверно, очень странное и страшное время, когда маме пришлось решать, и не один час она провела в мучительных размышлениях. Впереди — неизвестность, а на руках малые дети. Имеет ли она право не дать сыну шанс на достаточно благополучную по военному времени жизнь? Но, наверно, она в эти часы думала о муже. И отказалась, — уточнила Клара Борисовна.

Семья продолжала скитаться. Поехали в Чувашию, потом в Узбекистан, куда уже были эвакуированы родители Бориса.

— Помню, что жили мы в малосенькой мазанке. Спальных мест не хватало, и я спала на широком подоконнике. Как-то ночью случилось землетрясение: одна стена мазанки рухнула. Повезло, что это не была стена с моим окном. Все проснулись, а перед нами — улица! К счастью, никто из семьи тогда не пострадал, — добавляет Клара Борисовна.

С продуктами и деньгами было очень плохо. А тут как раз приближался день рождения Клары. Так хотелось доставить девочке радость, и мама купила ей подарок — красные туфельки. Но чтобы по-

С продуктами и деньгами было очень плохо. А тут как раз приближался день рождения Клары. Так хотелось доставить девочке радость, и мама купила ей подарок — красные туфельки. Но чтобы по-

СЫН УМЕР УЖЕ В ЭВАКУАЦИИ: ТАК БЛОКАДА ДАЛА ЗНАТЬ О СЕБЕ

В феврале 1942 года семья выехала по Дороге жизни. Потом один поезд, другой... По пути чуть не потеряли старшую девочку, Эльвиру.

С продуктами и деньгами было очень плохо. А тут как раз приближался день рождения Клары. Так хотелось доставить девочке радость, и мама купила ей подарок — красные туфельки. Но чтобы по-